«...КНИГИ — ЭТО ЖИЗНЬ, ПИЩА МОЯ, МОЯ БУДУЩНОСТЬ!»

Из неизданных рабочих тетрадей Достоевского

НЕСКОЛЬКО лет назад редакция «Литературного наследства» (орган Института мировой литературы Академии наук СССР) провела значительную работу по выявлению той части творческих рукописей Федора Михайловича Достоевского, которая оставалась еще ненапечатанной.

Первым результатом этой работы явился выпущенный в 1965 году том 77-й, посвященный публикации неизданных рукописных материалов, связанных с романом «Подросток»; значительную работу по подготовке этих текстов и по их комментированию проделал А. С. Долинин, а редакция «Литературного наследства» дополнила и довела до полного завершения этот труд (ему была также предпослана обстоятельная и глубокая статья Л. М. Розенблюм). Эта книга помогла осветить историю создания одного из крупнейших произведений Достоевского и дала возможность познать, как формировались художественные искания писателя, не меньшую роль эта капитальная публикация сыграла в изучении его мировоззрения, эстетических взглядов.

В настоящее время издательство «Наука» выпускает 83-й том «Литературного наследства» — «Неизданный Достоевский»; в нем будут впервые опубликованы записные книжки и тетради, которые писатель вел в 1860 — 1881 гг. Их содержание весьма разнообразно: наряду с замыслами художественных произведений — осуществленных и неосуществленных, конспектами публицистических статей, многие из которых так и не были завершены, здесь множество размышлений писателя по самым разнообразным вопросам, записи личного характера. Материалы, впервые печатаемые в этом томе, по существу, почти полностью исчерпывают то, что до сих пор не было опубликовано из творческих рукописей Достоевского.

Редакторы 77-го и 83-го томов «Литературного наследства» — И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм.

I. Зарождение замысла

Творческая история последнего гениального произведения Достоевского — «Братья Карамазовы» — известна нам гораздо меньше, чем процесс создания других его социально-философских романов. Это объясняется тем, что из рукописей «Братьев Карамазовых» сохранилась лишь небольшая часть, относящаяся преимущественно к позднему периоду работы писателя. Тем больший интерес представляют самые ранние наброски Достоевского к сюжету «Карамазовых», находящиеся в записных тетрадях 1874—1877 гг.

Известно, что трагическая история двух братьев, один из которых, несправедливо обвиненный в отцеубийстве, был приговорен к каторге, а другой, совершивший это преступление, остался свободен и принес покаяние лишь через девятнадцать лет, поразила Достоевского еще в Сибири. Эта история, несомненно, принадлежала к числу тех незабываемых впечатлений, о которых Достоевский писал брату из Омска 22 февраля 1854 года: *«Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего черного, горемычного быта. На целые томы достанет».*

Еще во время работы над романом «Подросток» 13 сентября 1874 года Достоевский делает в тетради запись, определившую основу сюжета «Братьев Карамазовых»:

«Драма. В Тобольске, лет двадцать назад, вроде истории Иль[ин]ского*. Два брата, старый отец, у одного невеста, в которую тайно и завистливо влюблен второй брат. Но она любит старшего. Но старший, молодой прапорщик, кутит и дурит, ссорится с отцом. Отец исчезает. Несколько дней ни слуху, ни духу. Братья говорят об наследстве. И вдруг власти вырывают из подполья тело. Улики на старшего (младший не живет вместе). Старшего отдают под суд и осуждают на каторгу. (NB. Ссорился с отцом, похвалялся наследством покойной матери и прочая дурь. Когда он вошел в комнату и даже невеста от него отстранилась, он, пьяненький, сказал: неужели и ты веруешь. Улики подделаны младшим превосходно). Публика не знает наверно, кто убил.

Сцена в каторге. Его хотят убить.

Начальство. Он не выдает. Каторжные клянутся ему братством. Начальник попрекает, что отца убил.

Брат через 12 лет приезжает его видеть. Сцена, где безмолвно понимают друг друга.

С тех пор еще 7 лет, младший в чинах, в звании, но мучается, ипохондрит, объявляет жене, что он убил. «Зачем ты сказал мне?» Он идет к брату. Прибегает и жена.

Жена на коленях у каторжного просит молчать, спасти мужа. Каторжный говорит: «Я привык». Мирятся. «Ты и без того наказан», — говорит старший.

День рождения младшего. Гости в сборе. Выходит: Я убил. Думают, что удар.

Конец: тот возвращается. Этот на пересыльном. Его отсылают. Младший просит старшего быть отцом его детей.

«На правый путь ступил!»

Хотя эта запись и прежде находилась в поле зрения исследователей, ее значение для создания «Братьев Карамазовых» может быть понято достаточно полно лишь на фоне других набросков тех лет.

Запись очень характерна для творческого процесса Достоевского. Во многих произведениях он исходил из каких-то реальных событий и обстоятельств, очень значительно их преображая. В «Братьях Карамазовых» убийцей Фёдора Павловича оказывается не процветающий «младший брат», а душевнобольной человеконенавистник Смердяков — символ вырождения карамазовского рода. Виновность кончившего самоубийством Смердякова и тем самым непричастность к смерти отца Дмитрия Карамазова становятся очевидными для его братьев уже во время суда, а не через много лет. Невеста «старшего брата» Грушенька — сильная и честная натура—не только не отталкивает Дмитрия, но, убежденная в его невиновности, решает разделить его судьбу. Сцены каторжной жизни, намеченные Достоевским в записи, может быть, и не воплотились бы в романе (ведь после несправедливого приговора, с согласия Мити, близкие решают сделать все возможное, чтобы избавить его от каторги).

В дальнейшем, как об этом свидетельствуют другие записи, относящиеся ко времени работы над «Дневником писателя», Достоевский много размышлял о главных проблемах будущего романа: о страданиях человеческих и путях восстановления справедливости, об атеизме и социализме, об исторических путях России и судьбах новых поколений «русских мальчиков». Обогащенный новыми идеями и образами, первоначальный замысел претерпел глубокие изменения. И все же запись 1874 года была первым творческим импульсом к созданию великого романа.

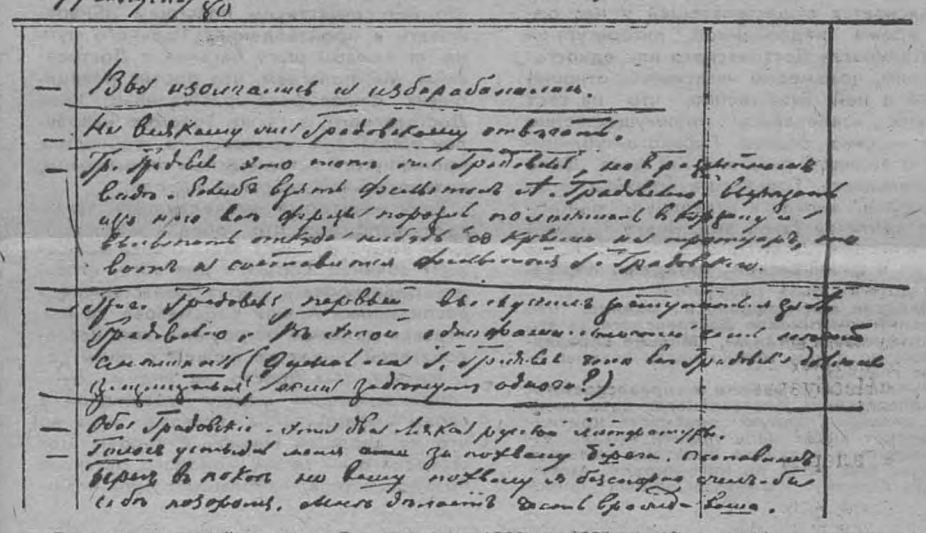
Последняя рабочая тетрадь Достоевского, которую он вел в самом конце жизни, когда «Братья Карамазовы» уже вышли в свет отдельным изданием (1880—1881 гг.), показывает, с какой страстью и болью откликался писатель на поверхностные суждения о романе:

«Мутная волна. Это я после Карамазовых-то мутная волна? А вы, небось, светлая? Ах если б вам какой анекдотик».

Записные тетради дают возможность увидеть первый момент зарождения замысла другого шедевра Достоевского — повести «Кроткая» (1876 г.). Еще в 1925 году А. С. Долинин напечатал черновую рукопись «Кроткой», но первоначальные наброски к ней оставались ему неизвестными. В 83-м томе «Литературного наследства» они впервые публикуются и свидетельствуют, что Достоевский сразу же нашел и главную мысль, и основную тональность трагической исповеди героя:

«...Вот пока она здесь, еще хорошо: подхожу и смотрю каждые десять минут, а унесут ее завтра, и как же я останусь один? Я привык, чтоб она тут сидела и прежде, к песенке ее привык, как же я без нее?.. Странно ужасно: почему мне ни разу не приходило в голову во все это время, что она меня презирает. Я в высшей степени был уверен в противном до самой той минуты, когда она поглядела на меня тогда с строгим удивлением. Тут-то я сразу понял и презрение, понял, что безвозвратно, что она меня все время, всегда презирала. Ах, пусть, пусть! Пусть презирала, только-только как же она в гробу, а я один! Как же я один?»

Записные тетради Достоевского дают новый драгоценный материал для изучения истории создания многих произведений великого писателя.



Лист из записной тетради Достоевского 1880 — 1881 гг. (Фрагмент).
Воспроизводится впервые.
Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

II. «Слова, словечки и выражения»

Так озаглавлена одна из страниц последней записной книжки Достоевского. Датирована эта страница 17 августа 1880 года — значит, она заполнялась за пять месяцев до кончины писателя.

Когда знакомишься с черновыми рукописями Достоевского, поражаешься той тщательности, с какой он работал над языком своих художественных и публицистических произведений. Писатель относился с благоговением к слову — одному из основных элементов литературы. Под его пером русское слово, казалось бы, самое простое, приобретало неожиданно новое звучание. И происходило это отчасти потому, что, стараясь наиболее образно, емко и остро выразить свою мысль, Достоевский на протяжении всей сознательной жизни не уставал осваивать и накапливать словесные перлы родного языка, тщательно отбирая самобытное и яркое в разговорной речи. Поэтому его рабочие тетради испещрены, в частности, записями примечательных фраз, выражений, слов, афоризмов, почерпнутых им из вечного родника народной речи.

И в то же время Достоевский решительно отбрасывал те случайные и наносные словечки, что ему приходилось нередко слышать. Как характерна для него в этом отношении запись, внесенная в рабочую тетрадь 6 сентября 1874 года в Старой Руссе Новгородской губернии, где он тогда жил: *«Завтра обдумывать в вагоне и собирать записанное. Да и фразы были казенные, заслышанные».* В своих произведениях Достоевский неизменно старался избегать «заслышанных» фраз, и в этом одна из причин необычайной выразительности его романов, повестей и рассказов.

Вот некоторые из записей, внесенных Достоевским 17 августа 1880 года в последнюю рабочую тетрадь:

«Вы изолгались и избарабанились».

«Изверг сердцем и умом».

«Мокрое горе. Женское мокрое горе (т. е. слезы)».

«На эти избитые, переболтанные, исплясанные темы».

«Тугое, картофельное и всегда радостно самодовольное немецкое остроумие».

«Твоя мысль была, конечно, наряднее, но я взял ее в ее наготе».

Нередко свои поиски «выражений» Достоевский воплощал в стройную мысль, в полностью оформленную фразу, готовую для включения в художественный или публицистический текст. Так, в рабочих тетрадях Достоевского имеются такие записи:

«Нравственно только то, что совпадает с вашим чувством красоты и с идеалом, в котором вы ее воплощаете».

---

* Подпоручик линейного батальона, содержавшийся в Омском остроге по обвинению в отцеубийстве и оказавшийся неповинным; о нем см. статью Б. Г. Реизова «К истории замысла «Братьев Карамазовых». — Сб. «Звенья», VI, 1936, стр. 545—559.